

Зловещие типы наконец разошлись, остались лишь безобидные и пугливые разбойники, вроде Маленькой Редьки и его отца. В минуты опасности они с полным пониманием обнимали друг друга и забивались в угол, а когда угроза миновала, дружно бежали в шатёр доедать. Маленькая Редька стащил кусочек зелени, но, едва коснувшись её губами, скривился и завопил:

— У-у-у, какая горькая, горькая, горькая!

Жун Лин и Чай Цзыжань синхронно взглянули на Чай Яньжань. Та покраснела и опустила голову, словно провинившийся ребёнок, пробормотав:

— Я просто хотела помочь.

Чай Цзыжань похлопал её по плечу:

— Сестра, ты молодец. — Затем обернулся к Жун Линю с улыбкой:

— Господин Жун Лин, вы же хотели есть?

Лицо Жун Лина выражало непоколебимую решимость. Он громко заявил:

— Действительно, хочу! — Давая понять, что готов на всё. Чай Яньжань, мучимая угрызениями совести, хотела остановить его, но Чай Цзыжань удержал её:

— Сестра, господин Жун Лин как раз такое любит, не мешай ему.

Чай Яньжань кивнула:

— У господина Жун Лина и вправду особый вкус. Что бы я ни приготовила, он всё съедает.

Ночь тянулась долго. Разбойники Пятого лагеря были по большей части мирными поселянами, не искушёнными в драках, поэтому менее чем за время, необходимое, чтобы сгорела одна палочка благовоний, армия Хунмэнь под личным командованием генерала переловила их всех до одного. Сам генерал вышел на «охоту», дабы изловить двух последних «старых да слабых разбойников»: в левой руке он сжимал Редечку, в правой — отца Редечки. Вид был внушительный.

Именно так и выглядит «убивать курицу боевым топором».

Хотя в Пятом лагере царил хаос и полыхали пожары, шатёр, где находились Чай Цзыжань и остальные, оставался тихим островком. Генерал Хунмэнь, опасаясь, что изнеженный Чай Цзыжань будет чувствовать себя неуютно в разбойничьем логове, выделил ему несколько подчинённых в распоряжение. Среди них был и тот самый провинившийся офицер по фамилии Юань, с именем Цюй.

Юань Цюй с несколькими солдатами стоял на страже у шатра, зорко оглядывая окрестности и прислушиваясь к каждому звуку, твёрдо решив заслужить прощение, дабы избежать личной экзекуции кнутом от генерала Хунмэня.

Внутри шатра не было нужды зажигать свечи. Свет на циновках был не то чтобы тусклым, но и не ярким, однако разглядеть миску с зеленью в руках Жун Лина было вполне можно. Её зеленовато-чёрное сияние даже затмевало исходящий от тарелки с курицей манящий мясной аромат.

Чай Цзыжань с улыбкой наблюдал за Жун Линем. Тот в одной руке сжимал палочки, в другой — ковш для воды, а от обилия выпитой жидкости живот его заметно округлился. Незаметно скользнув взглядом на сестру, Чай Цзыжань с невинным видом спросил:

— Господин Жун Лин, в какую же игру вы затеяли? Я, Чай, не силён ни в стратегиях, ни в хитроspлетениях, потому прошу вас прояснить.

Всё поведение Жун Лина с момента его одинокого появления на «Переправе Восьми Бессмертных» было подозрительным. Зачем книжному червю, которому положено корпеть над книгами, тащиться в такие места? Даже если предположить, что ему просто не сиделось на месте, то почему, когда их захватили, он спас Юань Хана, а сам не сбежал, оставив вместо себя меня и слабую женщину Чай Яньжань? Самое же подозрительное — Цзинь Синь, родной сын генерала Хунмэня, чьи боевые навыки были выбиты в нём кнутом с детства. Как обычные разбойники могли загнать его в угол? А тот разбойник, что загнал в угол Цзинь Синя, позволил сбежать совершенно не умеющему драться Юань Хану?

Смех да и только!

Жун Лин понимал, что подозрения Чай Цзыжаня имеют под собой почву. Неспешно отложив палочки и ковш, он поднялся и почтительно склонился в глубоком поклоне позади Чай Цзыжаня:

— Приветствую господина Цзюцзюня.

Выражение лица Чай Яньжань стало странным, но она тоже поднялась и совершила поклон.

Один лишь Чай Цзыжань, едва услышав имя Мо Цзюцзюня, весь похолодел. Одеревенев, он медленно повернулся к Мо Цзюцзюню, который приближался неспешной, будто прогулочной походкой. Юань Цюй снаружи почтительно приподнял полог-дверь. Свет яркой луны, словно рассыпанное серебро, падал с ночного неба, а серебряная корона на голове Мо Цзюцзюня источала благородное сияние. Серебряный волк на его груди на фоне темноты казался живым.

Чай Цзыжань, скованный, поклонился:

— Приветствую господина Цзюцзюня.

Мо Цзюцзюнь улыбнулся:

— Аран, тебе понравилось, как я героически спас прекрасную деву?

Суй Фэн, следовавший за Мо Цзюцзюнем, услышав это, впервые глубоко задумался о подлинном смысле слов «герой спасает красавицу». Пройдя сегодня весь день за господином Цзыжанем, он сильно обогатил свой кругозор.

Чай Цзыжань очень не хотел вступать с Мо Цзюцзюнем в разговор, но некоторые вещи требовали прояснения. Подавив внутреннее негодование, он спросил:

— Господин Жун Лин — ваш соглядатай?

Мо Цзюцзюнь на мгновение задержал тёмный взгляд на Жун Лине, затем повернулся к Чай Цзыжаню:

— Верно.

Спокойные глаза Жун Лина с недоумением мельком взглянули на Мо Цзюцзюня, затем он опустил взор и молча уставился на пустую тарелку из-под зелени на циновке.

Чай Цзыжань нахмурился:

— Правда?

Мо Цзюцзюнь с улыбкой кивнул:

— С чего бы мне тебя обманывать?

Чай Цзыжань фыркнул:

— Разве мало ты меня обманывал?

— Да разве ж много? — Мо Цзюцзюнь с искренним недоумением посмотрел на него. — Неужели ты считаешь, что я часто тебя обманывал?

Чай Цзыжань вспомнил, как в детстве сам крутил Мо Цзюцзюня вокруг пальца, и в душе тяжело вздохнул. Вот она, карма, всё возвращается на круги своя. Теперь он, никчёмный мот, не мог тягаться с могущественным Мо Цзюцзюнем, и потому предпочёл хранить молчание, не говоря с ним ни слова.

Мо Цзюцзюнь переспросил:

— Аран, когда же я тебя обманывал?

Чай Цзыжань молчал.

Мо Цзюцзюнь усмехнулся:

— Наверное, ты сердишься, что я не появился раньше? Но даже если я и не появился вовремя, разве это можно считать обманом?

Чай Цзыжань продолжал молчать.

Мо Цзюцзюнь вздохнул:

— Доброе сердце принимают за овечью требуху. Напрасно я питал к тебе искренние чувства, направив Жун Лина к генералу Хунмэню, чтобы спасти тебя.

Чай Цзыжань наконец не выдержал:

— Если бы не ты загнал меня на эту гору, разве понадобилась бы мне твоя помощь? — При этом он яростно скосил глаза на Суй Фэна. Обида за тошноту велика, как небо, и если её не отомстить, то он не настоящий мот.

Суй Фэн, чувствуя себя невинно пострадавшим, подвинулся поближе к Суй Ин. Тот нахмурился и шагнул вперёд, явно намереваясь прикрыть Суй Фэна собой.

Чай Цзыжань фыркнул про себя: Мот мстит и через двадцать лет не поздно, рано или поздно я с вами разберусь!

Ночной ветерок ласково обвевал, несколько сверчков трещали в полях. Без слоняющихся

вокруг разбойников обширный Пятый лагерь походил на лишённую жизни груды развалин, где каждая травинка и каждое деревце утратили краски. Выращенные Жун Линем упитанные куры не только любили поест, но и пошуметь. Генерал Хунмэнь, лично явившийся среди ночи для усмирения разбойников, потребовал, чтобы Жун Лин зажарил его кур на ночной перекус.

Под благовидным предлогом: «На благо народа».

Жун Лин, будучи простым учёным, не смел перечить. Пока все отдыхали, он с несколькими солдатами из обоза разобрал курятник, который с таким трудом строил, и переловил всех откормленных кур — и больших, и малых. Солдаты управлялись проворно, Жун Линю почти не пришлось прикладывать руку, и меньше чем за полчаса все куры были изловлены.

От курятника, сколоченного из досок, осталась лишь груды дерева. Курятник был разрушен, от кур же остались лишь несколько перьев, круживших в воздухе.

Жун Лин в отрешённости смотрел на плод своих трудов, уничтоженный в одночасье. Сердце его наполнилось пустотой, ладони медленно сжались в кулаки. Сзади раздался лёгкий треск. Жун Лин равнодушно обернулся и увидел в лунном свете статного, широкоплечего мужчину благородной внешности. Серебряная корона и чёрные волосы, роскошные чёрные одежды, на которых свирепый серебряный волк оскалил клыки. Он шёл, заложив руки за спину, не совершая лишних движений, но излучая самый изысканный в этом мире лоск.

Насмешливая усмешка на губах Жун Лина исчезла. Он склонил голову в почтительном поклоне:

— Приветствую господина Цзюцзюня.

Мо Цзюцзюнь бесстрастно смотрел на него, не говоря ни слова.

Перед Мо Цзюцзюнем, который мог прихлопнуть его одним движением, вся уверенность, самоуважение и таланты Жун Лина обратились в прах. Согнутая в поклоне спина оставалась почтительно согнутой, не выказывая ни малейшего недовольства.

Спустя долгое время Мо Цзюцзюнь наконец бесстрастно произнёс:

— Не стоит церемоний.

— Благодарю господина Цзюцзюня. — Жун Лин на мгновение замер в поклоне, затем выпрямился. Большая рука его мягко опустилась вдоль тела, застыв в скованности.

Мо Цзюцзюнь редко улыбался, вернее, редко улыбался незнакомым людям. Но сегодня он, нарушая все правила, улыбнулся этому незнакомцу Жун Линю:

— Ты, наверное, находишь меня смешным? Сказал не церемониться, а заставил тебя кланяться полдня.

Жун Лин опешил, затем нашёлся:

— Этот недостойный не смеет.

— На словах не смеешь, а в мыслях — очень даже смеешь. — Тёмный, как звёздное небо, взгляд Мо Цзюцзюня пристально впился в его лицо, не упуская ни одной эмоции. — Ценность человека — в знании своего места. Тот, кто рождён в знатности, неизбежно получает то, чего

никогда не достигнуть рождённому в безвестности. Как вы полагаете, господин Жун Лин?

На лице Жун Лина промелькнуло недоумение. Он сложил руки в приветствии:

— Прошу господина Цзюцзюня выразиться яснее.

<http://bllate.org/book/15931/1424014>